

: география

[****]

Кем мы будем уже назавтра?
Туристами в родном городе —
Гляди, какие фонарики на набережной —
Сгустком свет в пустой породе,
Проекцией, штрих-пунктиром, линией нервной, небрежной?
Боярышник розовый или белый,
Клён не прижился, жёлтая птичка на ёлке.
Обелиском станут, памятником, школьной гранитной стелой
Уморительные ужимки, трогательные проделки.
Плоть реки давно ли стала зеркальной плотью?
Кто её расколёт в припадке гнева?
Синева захлёбывается, её колотит,
И она обвиняет небо в упадке неба.

[****]

Плоские персики. Кто их слегка придавил?
Неуместные груши в неужных садах.
И насколько хватает терпенья и сил —
Всюду прах,
Порошок, застарелая свежая пыль;
И насколько хватает, к глазам подступает печаль,
Так что если ты был,
То, наверно, лежал
Жёлтым брусом на белых плечах.

На страницах журналов чужих — фотографии из отпусков,
Над брусчаткой сплетаются листья, и жёлтый песок.
Кто кого отпустил
Жёлтым скрипом досок?
У желанных и бедных иной выдаётся досуг,
Опускается лист на настил.

[*****]

Нет, это не глаза говорят с глазами,
Это просто тебе что-то слышится
В меру твоих немудрящих сил.
Нас отсюда несли корзинами, везли возами,
А сюда никто ещё не возил.
Там такое небо... Но много ли
Унесёшь его даже в самых больших руках,
Тех, которые никого не трогали,
Растворялись в жилах и синяках?
Что-то странное, мерцающее, скользкое,
Только это не взгляды, не голоса.
Кругом навалены мешки,
Расставлены какие-то ящики.
Это дом наш, но всё в нём ненастоящее,
Карамельное, взлётное, как полоса.
Положи мне голову на плечо,
А ладонь за пазуху, как христу,
А я спрячу тебя в лёгкой своей голове.
Тень прислоняется к полу, и секунду держится на весу
Паутинная азбука, прежде чем расплестись на две.

[*****]

Там, где было лето среди зимы
И искусственная лагуна для ветряных забав,
Там мы были. Но были ли это мы
Или второй состав?
Например, ледяная крошка и самолётный гул,
И слюда, подкрашенная огнём.
Сколько ещё будет таких лагун,
Сколько небес в одном?
А сейчас не зима среди лета, но осень или весна,
Шаг назад и влево, вправо и наугад.
Год отпусти на время, и времена
Из него друг с другом заговорят.

[****]

Все эти камни когда-нибудь станут песком,
Их точит море, которое станет соляной пустыней,
И на дне морском
Осядет воздух, который тоже потом остынет.

Не загадывай так далеко, курортник,
Гость буквально залётный, озадаченный отпускник,
Это у себя в подворотнях
Ты угадывал каждый шаг,
А здесь дни сожмутся, растянутся, и на них
Не особо рассчитывай, я считаю так.

И про тебя, может, скажут: умница, мол, повидала мир.
Проступает хребет где-то гор, а где-то одной горы.
Кто зарубежных кошек мясом с руки кормил,
Закрывает глаза и смотрит свои миры.

[****]

Малокровный Север, полнокровный Юг
Каждое лето встречаются как-то вдруг —
Нервный тик, горячечный алый стук —
Пациент внушает не беспокойство,
Внушает стыд.

Так просты слова на кончике языка,
Точно мятная карамель,
Но распробуй лучше — она горька,
Сахарный колер, пищевой кармин,
Родина с севера до лобка.

Дорогое небо, пожалуйста, сделай так,
А земля дешёвая, как багон.
Золотая временная орда, хамский её сарай.
Это завязь, а это уже бутон
Распускается через край.

[*****]

Вот зерно прозревает сквозь предзимнюю почву
То, что будет потом,
И то, что
Не будет потом.
Отлучённый от круговорота земного
В круговорот городской
Ловит последнее слово
Обалделой подмёрзшей щекой.
Вот зерно прозревает цветные картины
На небесах потолка
Ловит последнее дело прости, но
Целая жизнь коротка,
Чтоб поместиться в наружные складки
Долгих несобранных дней.
Скоро всё скроют земные осадки
И то, что
Ещё земней.

[*****]

Запах синильной косточки, вишнёвая кислота,
Сладко вздыхают хозяйки у непрощальных плит,
Скоро пойдёт варенье временем изо рта
В ухо заговорит.
Солнце плывёт в обманчивом запахе миндаля
Мимо долины города заливом земных забот.
Небо — его земля, и небо его — земля
Разевает рот.

[****]

Переводчик речист, а
Река чиста;
Солнце обёрнуто на закат зрачка;
Ты не знаешь, какая родина из четырёх сторон,
И молчишь, растерянный, как марки и весь альбом,
Подпираешь колени лбом.
Подо льдом вода свободна и глубока
И впадает в землю, и продолжает быть;
Надо льдом от холода замирает жизнь, но её бока
Мелко ходят, как будто экран рябит.

[****]

И неожиданно понимаю, что всё это наяву:
Стены, дома, свет, проходящий мимо или насквозь,
И это время, которое я живу,
Будет не вместе со мной, но врозь.
Все эти простые понятия фиксируются на раз,
А потом забываются до следующего щелчка:
Вот это дерево, и на нём нарост,
И земля под ним, которая глубока.

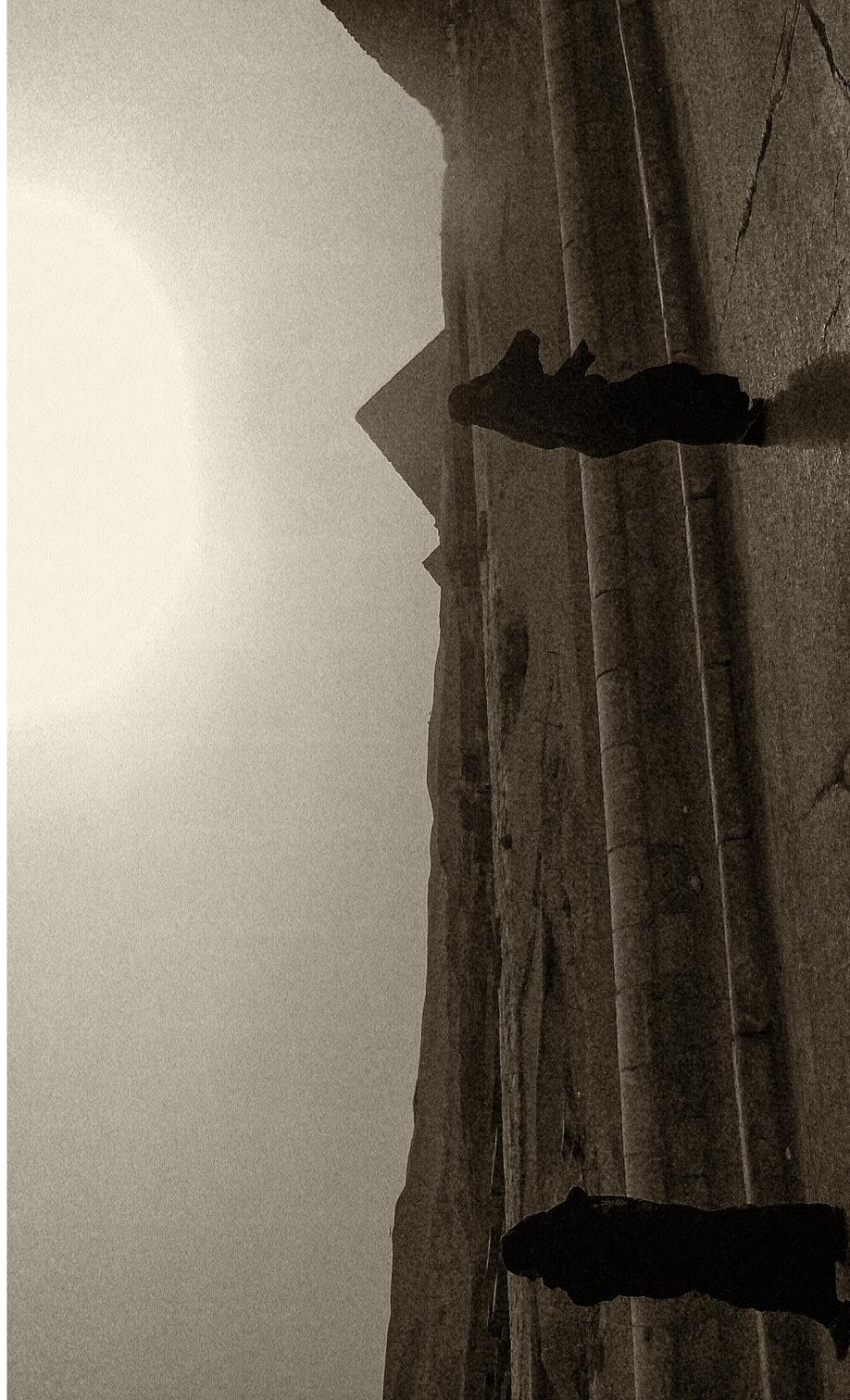
[*****]

Ты во сне преследователь и беглец,
Ящерица выходит греться на камне,
Насильник и жертва, и жизнь на двоих,
Крик переходит в шёпот: «Подойди ко мне»,
За спиной иглы смыкает лес
И двоится родной язык.

Он думает все его мысли,
И жалость моя притворна, и покорность моя до поры.
Южный день растекается в подсолнечном масле
Жары.

Это такой ориентальный вестерн,
Твой восторг и твой изумлённый стыд
Проходят вместе
В белый город из серых плит.

Он его прощает, а он его ненавидит.
Ветер трогает высохшую траву.
Кадр застыл в его совершенном виде.
Ты неожиданно понимаешь, что и это всё наяву.

[****]

Если у девочки появляется запах пота,
То она уже подросток, а не дитя.
Рассыпает перец свои остроты
В масле воздуха не шутя.
Завалилось время в кармане пауз,
Завелись деньжонки, поддакивают, звеня.
В несоветском детстве тоже белеет парус,
И это так странно, как будто и не меня
Вывозили в душном купе в Анапу,
Отводили влагу влажной рукой со лба.
Влажным взглядом девочка ищет папу,
Называет его «Баба».

[****]

Будем мы говорить о траве, воде
Поначалу в траве, под конец — в воде,
После — совсем нигде.

После будем не мы,
Будем рыбы по облакам,
Золотые сомы,
Каждый — сам.

Будет полюс, как полис —
Совсем страховой,
Населённый травой и молвой.

Карамель языка, кока-кола слюны
Будет слаще,
Но мы не должны.

[****]

Ларри, Ларри, мы отравлены морем,
Оправлены далёкими берегами
И близкими берегами.
Турпакеты шуршат пластмассовыми краями
Над столь массовыми краями.
Был бы каждый из нас спокоен,
Стал бы жертвой горячей речи,
Жатвой горячей ночи,
Но не так стоим, ничего не стоим,
Говорим короче.
Где-то там дешёвые перелёты
По чужой воде с остатками белых пятен.
У буклета глянцевые страницы покрыты потом,
Словно покрыты матом.
Ларри, Ларри, кричат слюдяные птицы,
Пролетая над и под горным хребтом гортани,
Ударяясь сами в себя бортами,
Ходят лодки, лодки,
Насколько хватает глотки.
А на сколько её хватает?

[****]

Александрю Авербуху

Где народ мой вышел сплошной курорт
Триста сколько там дней в году,
Сердце делает скачок,
Поворот,
И во рту
Вертится, как молчок.

Невозможно поверить
В искусственную траву,
В тёрн
Насильственно высаженный
Зарой пятак.
Не умеющий плавать держится на плаву
Только так.

[****]

Тают морские дни.
Уже осень щекой весноватой
К стеклу приложилась,
Рукой потирает щеколду,
Но щиколотки в песке;
И на горах
Сладкой негасящей ватой
Лежит самолётный туман.
Как фотоплёнка
Мигнувшего века,
Как скрученный лист
Свернётся моя Клеопатра,
Сдаваясь то немцам, то нам.
Здесь воздух бензинный нечист
И долгое время открыто, как карта
По тем ещё временам.

[*****]

В каждом пальце таится своя душа,
В каждом дереве — образ стола или стула.
Жизнь такая как до тебя дошла,
По дороге не скорчилась, не уснула?
Снег, песок, ракушечник. Между холодом и жарой,
Меж пылающим лбом и стынущими ногами
Раскрывается суть земли, голая, как король,
И нагая.
Легконогие страны, желтоглазые племена
Накрывают ночь с головой и телом,
Её старый свет уходит под парусами.
Каждый месяц проходит под небесами,
Становясь понемногу целым.

[****]

Как ангел, никогда не видевший банана
В своих прозрачных северных широтах
В тотальную эпоху дефицита,
Мы тоже многого не видим и не знаем,
Глазами по полуночи скользя.
Но что нельзя, то мы отлично знаем,
И, ослеплённые нездешним этим зноем,
Обороняем бедные глаза.
По белым стенам, этим новым стенам
Гуляют тени времени и места,
Такое чувство мокрого протеста.
Кто был в стене, тот подавился стоном,
Кто был всегда, прикинулся влюблённым,
Обойный гвоздик, хвойная лоза.
Лазейка внутрь — кудряшка и спиралька,
А в ней ничьих манаток собирайка.
Так ангел, никогда не трогавший меня
В чужих невзрачных северных широтах,
Тоскует в лампочке, большой и большеротый,
И ничего не видит без огня.

[****]

Земля, как красивый яичный желток,
Болтается в своде небесном.
Куда мы пойдём, мой заплечный дружок,
В этом воздухе тесном?
Простое деленье проезжих частей
Ни выгоды даст, ни награды.
Мы были бы рады сидеть в чистоте,
В лепной лепоте, и земной широте,
И прочие координаты.
Вот клёкот глубинный, а вот голубиный поклёп,
Подлёдная рыба поклёвка.
А что не к лицу, то к спине подойдёт,
Меж рёбрами сядет неловко.

[****]

А полные и медленные люди
Идут красиво, словно эфранты,
Такие отличимые в толпе.
Их огибает лёгкое пространство,
Старательно и бережно касаясь.
Сравнительная дальность расстояний
Выходит за окраину зрачка.
Когда бы я была твоей царицей,
Вся во плоти и плоти за границей,
То я бы так же вдумчиво дышала,
С одной рукой, застывшей, как держава,
С пакетом, в такт качающимся справа.
А воздух из холодных белых прядей
Качает всех, не глядя, кто велик,
И в небесах колыхается язык,
Торжественный, как на параде.

[****]

Точно птица какая или камень,
Бликий зимний горизонт меняет свою окраску.
Близстоящие берут тебя под руки, и там, под руками,
Рассыпаются в зубную крошку,
Как глазурь, в глазную размазываются замазку.
Что творится там, за зимними облаками,
За тяжёлыми, плотными, серыми, не кучевыми?
Все дешёвые вещи скроены по одним лекалам,
Все дорогие люди по другим местам кочевали.
Так один оттенок медленно переходит в другой оттенок,
И вот уже день становится вместо ночи,
И на свет выходит из ломких капиллярных стенок
Всё, что хочет.

[****]

Неужели зима кончилась?
Неужели жизнь кончилась?
Неужели это была жизнь?
Все эти колебания на дне чужого зрачка.
Родная земля широка,
Гостеприимна,
Тесна, узка.

[****]

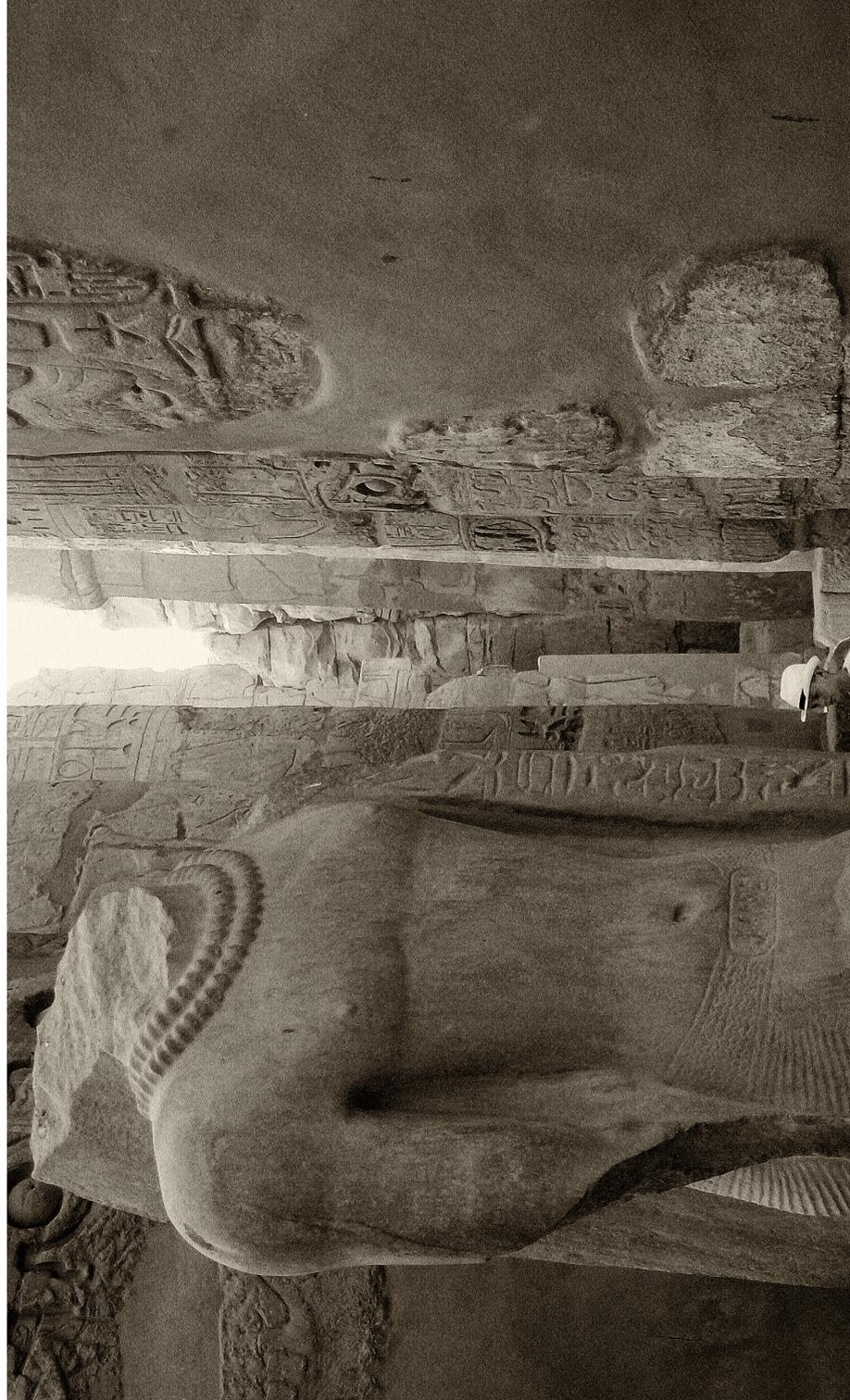
В агонии, в огне
Жары полуосенней
Согни,
Мой парк, следы,
Сгони
Колени
До воды,
Где в обрамлении волос
Авессалом.
В напластовании корней
На улицы трамвайные выходим,
Но здесь трамваев нет,
И, как перед походом,
Горит окно
В распахнутом окне.
И вроде не должно,
Но всё же пахнет йодом.

[****]

Так и грецкий орех, лишь пока он молод,
Молоко и йод,
А потом выпадает, как волосы из заколок,
Сухая роса на камни,
Шелуха на земли
И предгория Кавминвод.

[****]

Человек научается всему
Медленно, за шагом шаг.
Земля под ногами в этом идёт навстречу ему,
И небо над головой тоже по-
Ступает так.
Созвездия, растения, а также различные механизмы
Суть разные части, параграфы и разделы.
Человеку на всё это хватит конечной жизни
Весомого смуглого тела.
Он, оперённый кожей,
В такие залетит уголья,
Что ни одно существо этого постичь не сможет
За все вчера и сегодня.
Медленно-медленно, выдох за выдохом, взгляд за взглядом
Земля оборачивается к человеку лесом,
Небо оборачивается человечесьм местом,
Дом оборачивается к нему фасадом.

[****]

...Пока она по трапу,
Точно по этапу —
И это ли и вправду не этап,
Законченный и чёткий, как эстамп?
Он оставляет воздух, он парит,
Гроза, аэропорт не принимает,
А вот они летят уже, летят,
Как стая летних октябрят.
Экватором сгибается земля,
Но мы пересекаем не экватор,
Здесь брат на брате, это ли не я,
Не линия и даже не змея,
И вовсе невесомая в объёме.
Здесь ничего никто не просто так,
За каждую коленку и синяк
Они потом приснят.
За полчаса, потом за два часа
Пространство рвёт себя на паруса,
Москва, аэропорт не принимает,
Здесь языков уже не применяют,
Но земляные гомон и толпу
Подносят непосредственно ко лбу.
А после нас на базу променяют.

[*****]

Говорит, вот здесь какая штука,
Пособи, мол, сделай меня живой,
И мечется, как очаг и сука,
Над головой.
А я такого маленького размера,
Меня не больше, чем пальцев одной руки,
Этой мелочи хватит для сдачи или размена,
Но голос, запахи, позвонки —
Посчитай их все до седьмого пота,
До не бывшего, то есть восьмого, дня,
И как снег на Якова, как ягода на болото,
И так далее не видна,
Как сбиваясь со счёта в грудной камерке,
Как сама грудная, а ведь в чём-то даже и не жива,
Изнутри, как катышки, жёваные комочки,
Забывается в новые существа.

[*****]

Написала бы ты мне хоть что-нибудь,
Хоть какую траву или ртуть,
Потому что мне её греть,
Мне её говорить,
Мимо самого рта спугнуть.
Поле брани, нива шёпота или какой молвы,
И какие ещё хлеба?
Так мы ехали. Мимо окон глазели лбы,
И рука, стирающая со лба
Не испарину, но какой-то внешний, не влажный, след,
Так старалась, как нету других услад,
Ни других обид,
Только этот сад,
Этот стандартный вид.

[*****]

И ты слушаешь, как что-то щёлкает в голове себя,
И начинается не музыка, но музыка,
И всё плывёт, но пока любя,
Говоря иначе, бережно, безъязыко.
Всё пространство — ворох, перина, мех,
Говори иначе, синева и зелень,
Наугад выбирая верную из примет,
В глубине земли глядишь и окажешься безземлен.
Но пока оно качается и плывёт,
И ни маятник, никакая другая стрелка,
И в зобу дыхание, и других забот
Наугад руки замедленная пристрелка.

[*****]

У всех этих мальчиков у бассейна
Такие тонкие кисти ног,
И пока всё, что посеяно,
Собирает Бог,
Они пишут по плиткам и по газону,
И брызги, и жёлто-зелёный свет;
И так здесь все четыре сезона,
Не исключая пятый, которого нет.
Если я когда-нибудь в жизни буду
Жить у большой воды,
Забери меня отовсюду,
Собирая меня повсюду,
Незаметную, как следы.

[****]

Кто мой любимый? Никто, никто.
Мой любимый песок и порох, и прочее нет суда.
Над восточными городами восходит то,
Что само по сути восточные города.
Потому что когда поднимаешься над землёй
По старинной башне, и круглые купола,
Только это и будешь вспоминать зимой,
А до этого как жила.
Мы, наверное, тоже бы здесь могли
Постепенно, как восточные города.
Ты выходишь за край пространства, как будто за край земли,
Потому что пространство — это и запахи, и вода.

[****]

Туман поднимается посреди окна,
Там пустыня, она мне ничего не должна.
У неё по утрам ледяная пыль,
Жестяная соль,
И мой город за тыщу миль.
Я турист, моё время уходит в ноль.
У меня в руках золотистый шар,
Ледяной овал;
Позади далёкого-далека
У земли от города дёргается река,
А меня везут, как живой товар,
Хотя я — неживой товар.
Эти гиды здорово набрались языка.

[****]

Эти гиды здорово набрались языка,
Чтобы он позвал; чтобы он потом у меня во рту,
Как горячий шершень, торкался в немоту —
Я ведь тоже когда-то учила вязь,
Вот и вяжет, местная, как хурма,
Хлопковая её тесьма.
Как любимая женщина плачет и негде взять.
Сувенирная кожа с холода до плеча.
Полные лёгкие хлопают по бокам,
Как хурджины, кувшины,
Прочий колониальный храм,
Надрываются попусту, хлопоча.
На воздушной подушке наволочка, тонкая, как навет
Не даётся близким почти за так.
Самолёт разрезает воздух. С той стороны — рассвет.
Это такой закят.

[****]

А он всё знал
И падал в лёгкую,
Как море, пенку,
А рядом время билось о коленку,
И небо билось,
И гудел вокзал;
И города, такие города,
Которых не бывает и в помине,
Куда-то уезжали навсегда
От-
Ныне.

[****]

С полным ртом, с полной гортанью листьев
Продирается древо через земную жилу,
А подземное эхо звучит, как выстрел,
Как гудок по последнему пассажиру.

Между комьев коричневой рыхлой плоти
Остаются лакуны, длинные, гладкие, как лагуны.
На кого идёте, по ком орёте,
Разветвлённые земляные гунны?

Так и трава пробивает с изнанки поверхность мира
И выходит в мир, и в сорочий пир, и в недолги люди,
И земля сокрушается — мол, не я ли тебя кормила,
А теперь подношу на блюде?

[****]

Золотая земля здесь, огнём горит, золотая,
Сколько тысяч за метр
В прозрачную топкую глубину,
Там, где голубь сидит на фонтанном плече,
Города и
Поля и
Ещё очертания губ.
Где древесная лингва
Висит себе в воздухе местной и древней земли,
Заменя
Приставку на корень,
На нервное окончание -ая,
Не ключарь открывает замки,
Но ключница немолодая,
Общежитская кастелянша в приступе белой тоски.

[****]

Снова осень мимо тебя
Пропущена
Через сито,
Сдобный её горох,
Перетёртое мелкое жито,
Её стёртый Покров
Непонятого зябкого цвета
Наступает,
И ты наступаешь на это.

Так чревата земля,
Что ни спелой антоновкой глаза
Её не окинуть,
Ни неводом нервной сетчатки,
Но ладонь легла за
Затылок,
И на основании шеи
Её отпечатки
Остынут,
И ты отступаешь за это.

В уголках твоей памяти,
В дробных её переулках
Не стучат каблуки,
Не шуршат вороха и колёса,
Но ладонь на затылке
Гнёт тебя знаком вопроса,
И ты выпрямляешься знаком ответа.

[****]

Где мой дом за спиной из спин,
За стеной из стен?
Его эркеры, черепица, весь его новорусский стиль,
Выступающий как один
Раз прийти к себе
В голову, а уйти из воздуха, из седин.
Где посёлок Стригино, Рекшино,
В центре города вырублена вода.
Это было ещё тогда задумано, а решено
Не вполне тогда.
Я бы искала, искал бы
Трогал бы — не молчи,
Костяное яблоко, зимний сад.
Эти тени расходятся, как лучи,
И, как столбы,
Тянутся и стоят.

[****]

Ты видишь прекрасные вещи, включая свет,
Включая воду и счёт за газ.
Извещение о посылке звучит как весть
Для ушей и глаз.
А у нас в квартире, а у них, говорят, мазган.
Говорят «мазган», думают про ангину в холоде из тепла.
Ты видишь разные вещи, включая свет,
Бьющим по сделанным из стекла
Глазам.
Жизнь твоя раздваивается и трепещет,
Пищит, раздевается, и затем
Ты видишь обычные вещи,
Включая тень.

[****]

Над почвой, от света синей и голубой,
Молодая трава проступает, как ореол,
А кругом неземные выстраиваются города,
Например, Нижний или Орёл.
И впрямь наступает, что ли, последнее лето лет?
Вон городские птицы не чувствуют под собой следа —
А что они, как не след?

[*****]

У него в каждом порту
Причал,
Он — большой корабль,
И духовые выходят его встречать.
Ветка качается, как ди-
Види.
Это её печаль.
У него на каждом горбу мечеть,
За каждой партой мычит пророк,
В с-
Портзалах мальчики и мячи
Летают наискосок.
Мы раньше были по всей воде,
А теперь отбываем в
Срок,
Но покуда идёт фильячик,
Покуда грузно парит баржа,
Не стой у карты, не поводи
Плечом,
Не надо нас
Так держать.

[*****]

Вот я вырасту и уеду
Умирать в Ашкелон.
Назло надменному соседу
Здесь открытый вид.
Мы пойдём пешком.

Там, где море становится памятником реке
Где волна наплевала на волнорез,
Где, ещё раз скажу, море становится на дыбы,
На каком, не вымолвишь, языке,
Не хватило средств,
Если бы.

Вечеринка в хосписе или как
Там у них называется скорбный дом?
Остаётся часть моя на руках
И к руке
Припадает ртом.

[****]

Их ритуалы связаны с водой.
Застывают со щёткой у зеркала, с ватным
Тампоном в ванной у щеки.
Смешной
Народец. Люди-угольки.

Их ритуалы связаны землёй.
И трикотажный воздух за петлёй
Петля себя в их лёгких распускает,
Преображаясь в газовый цветок.
За окнами вся улица пустая,
И гасит снег фонарный огонёк.

[****]

Бледное солнце отходит в тень —
Надо бы отдышаться, попить воды,
Лысина, чесучовый пиджак,
Долгая память в чужом глазу.
Последняя капля дробится на тысячу рек,
Стёртая, не наличествует на виске.
Всё забыто, но как на грех,
Всё — это далеко не все.

[****]

Поздний май, ледяной июнь —
Только лета и было, что прошлый год.
Золотые юга, как стога,
Отползают за фронт работ
На атмосферный фронт.

Нет, не июнь ледяной, но плоть —
Чем мне ее согреть?
Ветвь — это тот же свет, но ее оплот —
Жадный ствол, корневой скелет.

Жадный ствол, ледяной стилет,
Костяная походка — идет моряк.
Это лето будет, как сотни лет,
В самых разных ягодах и мирах.

Не мираж, но пламя. Не моряк, но жнец —
Это так и будет — стога, стога.
Капля точит камень еще нежней,
Чем текущий год — старика.

[****]

Меня качает во сне
Один автобус ночной,
Полный в чужой стране
Моей страной.
Так от земли
К земле,
Так от руки к руке
Смерть говорит: «Замри
С жизнью накоротке».

[****]

Каждый день уходили в медину,
Которая с маленькой буквы,
Ради этого море бросали,
Песок отрясали.
Здесь такие, гляди, не-
Знакомые буквы
Под пиратскими якобы парусами.
Набирали пригоршни, но разве удержишь в горсти
Незнакомого круглого мира пустые, простые дела?
Посмотреть бы, а там хоть трава не расти.
Но она там и так не росла.

[****]

Сердце моё, у тебя на руке
Распустился цветок страстотерпт.
Дни недели купались в твоём молоке,
В душных ваннах воздушных царей
И цариц.
Скоро тронется нефть на реке,
И скорей
Понесётся вдоль здешних больниц.

Так на стыке согласных мычать о любви,
О земном и небесном крюке.
Говори, моё слово, и снова лови
Жёлтоглазых цветных пескарей.

[****]

И когда ты стоишь у Стены, и ни во что не веришь,
И чужая девочка бьётся, точно об стенку, лбом,
Лучше думать о воздухе и о траве, лишь
Их крепкая молодая ветошь
Холодит на любом
Языке,
Нулевом километре, ненулевом холодке.

И потом, уже после Стены,
Когда ты без языка, без денег, без телефона,
И сама не знаешь, придут-не придут,
Лучше всего вспомнить тесные стены
Из стекла и бетона,
Которые там и тут.

И тогда, может, выстрелит, может, сложится,
Может, не в этот раз.
У кого троеперстие, у кого троеручица, у тебя тревожица
Между очков и глаз.

[****]

Рим, Александрия, Иерусалим —
Неужели это я везде была?
День встаёт над городом моим,
Лёгкий и прельстительный, как мгла.

Так розетка вся уже собор,
Радужный трамвай, витражный блеск.
Белый свет наполнится собой,
Прежде чем себя оставить без.

День стоит на дне своей ночи,
И ногами оттолкнувшись от,
Вверх ныряет, точно кирпичи
От небесных зданий и щедрот.

[****]

И кисловатый воздух на раз-два-три,
И азбука на бегу,
И если ты не сгоришь до тли,
То будешь когда-ни-
Будь.

И ляжет, как гусениц по листу
Тяжёлый и влажный свет,
Двужильная ветка от ног к лицу,
Покуда ей не сгореть.

Но весь этот лёгкий животный мир,
Не полей, но полостной,
Постольку будет к тебе немил,
Поскольку не за спиной.

[****]

И она засыпает на взлёте.
Впереди каждый день, каждый день.
Вот бы купаться в золоте, как в заботе,
В воздухе как в воде.

Нет, не нужно в золоте и не нужно падать,
Надо тонуть, где сомкнется над
Золотым каскадом золотым каскадом
Опрокинутая волна.

[****]

Моя страна, покрытая лесами,
Как здание, покрытое лесами,
В окно щебечет разными листьями,
Щекочет голосами.

Я буду плыть за окнами страны,
Как человек, как облако вины,
Я — человек, и в этой мягкой плоти
Иголки и крючки растворены.

Раскрой мне рот пошире, аладдин,
Мой оловянный мальчик, раб сортира,
У здания сжимается квартира,
Кишка прихожей девять на один.

[****]

Это кто-то плывёт в атмосфере,
Или здесь такая влажная, душная атмосфера,
Что росток цепляется за сухую ветвь,
И они начинают петь,
И они начинают пить в глубину земли
И дышать глубину земли.

Это пляжники и грибники,
И у каждого ответвляется от руки,
Дышит пригород, ласковый, как ребёнок
У городской груди.

[****]

Как Гиссарлык или иной
Холм с макушкой выжженной травяной
Скрывает в себе по семи-восемь
Городов с башнями и позолоченными дверьми,
И люди, подобные муравьям,
В нём ходят по временным слоям,
Из века в век, как из души
В душу, в этой дыре, в глуши.

Только их вопли сквозь эту глушь
Не продираются к небу, ибо холм закрыт,
И некому видеть людскую мглу
И весь их нескромный быт.
Но будет ли новый Шлиман им
Желаннейшим из мессий,
Разбившим под воздухом земляным
Свой нежилой массив?

[****]

Дальней комнаты ближний свет —
Невнимательный, серый, пыльный;
Погляди на свет —
Он как будто и неподдельный,
Он как будто вода в глазах;
Угол зренья дрожит в слезах.
Отпусти усталость на свет, как пух,
Полетит, как пух, но такая вата.
Ничего такого не скажешь вслух,
Но опять окажешься виновата,
Точно крайняя
Плоть, зажата между двух
Огней и одного набата.

[****]

Земля говорит:

«Господи, спрячь меня в траве.

Моё жадное сердце, спрячь и его в траве,

Чтоб грудная жаба, ряска, осока,

Синяя стрекоза,

Чтоб горящий спирт

Твоего востока

С утра заливал глаза».

Карта мира говорит:

«Господи, спрячь меня в рукаве».

